

**СЕРГЕЙ
ГАРИН**

В ГЛУШИ

Сергей Александрович Гарин

В глуши

Аннотация

«Когда его сгорбленная, приниженная фигура проходила по кривым, немощным улицам провинциального городка, такого же жалкого и забытого судьбой, как и он сам, жизнь казалась ненужной и неинтересной...»

Содержание

I	4
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Гарин

В глуши

I

Когда его сторбленная, приниженная фигура проходила по кривым, немощным улицам провинциального городка, такого же жалкого и забытого судьбой, как и он сам, жизнь казалась ненужной и неинтересной.

Небольшого роста, сутуловатый, с жиденькой козлиной бородкой, длинными волосами, спадавшими на плечи, маленькими серыми глазками, прятавшимися за очки, он вызывал и улыбку, и сожаление.

Ежедневно, в продолжение двадцати лет, за исключением праздников и дней нездоровья, его можно было видеть на улице идущим на службу, или возвращающимся с нее. Трещал ли мороз, щебетали ли весенние птицы, палил ли летний зной, или сеял холодными слезами осенний дождь, — он шел мелкими, но скорыми шажками, в потертой фетровой шляпе с большими полями и в неизменной порыжевшей крылатке. Шел припрыгивая, и как-то боком прижимаясь, как испуганный зверек, к стенам домов и заборам. И никогда никого на улице не замечал и всегда нес какие-то тревожные мысли в своей качающейся, начинающей сесть, голове...

Встречались знакомые. Останавливали его с милой или снисходительной улыбкой, мяли его крохотную, горячую руку... Спрашивали:

– Ну, что, Федор Никифорович, подделываете?.. Написали что-нибудь новенькое?..

В их голосе дрожали нотки участия, иногда иронии. И всегда при этом вопросе на лицо его ложились боязливые тени, рука поспешно пряталась под крылатку, губы слегка тряслись...

– Да... написал! – отвечал он тихо, упорно смотря на землю. И вдруг встряхивался, передергивал узкими, как у цыпленка, плечами и спешил добавить:

– Простите, но я... тороплюсь!.. У меня дома работа!..

И, приподняв фетровую шляпу, уходил поспешно, словно боясь, что его остановят.

Фамилия его была Гаврюшин. На вид ему было за пятьдесят, хотя в действительности ему было сорок два года. Служил он в городской управе, занимая скромное место писца, и получал грошовое жалованье. И все, кто его знал, знали также, что Гаврюшин писатель, что он вот уже много лет подряд пишет рассказы и романы и, отослав их в разные газеты и журналы, мучительно ждет, напечатают ли их... Знали также и то, что до сих пор не появлялось в печати ни единой его строчки. И утешали:

– А вы попробуйте... пошлите еще куда-нибудь!.. Может, напечатают!

И Федор Никифорович покорно брал возвращенную рукопись, бережно заклеивал ее в заказную бандероль и отсылал с обратной распиской в другое место.

II

Жил Гаврюшин на окраине города, в одноэтажном – в два окна на улицу – деревянном домике. И когда смотрели на этот домик, казалось, что пригнулась к земле какая-то испуганная птица, трепетно ждущая сверху несчастья.

Внутри домика были две комнатки и кухня. Не было роскоши, но необходимая обстановка имела. Чувствовалось, что живут в этой квартирке люди скромные, трезвые, трудолюбивые, берегущие свое гнездо.

Одна комната называлась «кабинетом». У стены стоял письменный стол, купленный несколько лет назад, по случаю, у вдовы акцизного. На столе: чернильница на серой мраморной доске с отколотым краем, два медных подсвечника, деревянный стакан для ручек и карандашей и несколько портретов-открыток писателей в дешевых рамках. Тут же стояли портреты Гаврюшина в молодости и его жены Настасьи Николаевны, в год замужества.

Около письменного стола, в углу, стоял ореховый книжный шкафчик рыночной работы. На полках его, за стеклом, завешенным зеленой шторкой, плотно прижимались друг к другу переплетами книги – все больше приложения к иллюстрированным журналам.

А нижняя полка шкафчика была занята рукописями. Много их накопилось за два десятка лет. Многие из них пожелте-

ли от времени; бумага покоробилась, как кожа на лице старухи. Но все они были дороги Федору Никифоровичу. И не раз он их разглаживал дрожащей от волнения рукой.

Вторая комната служила и спальней, и столовой. Стояла деревянная, широкая кровать, покрытая стеганым ситцевым одеялом, с грудой подушек, спрятавшихся в наволочки с прошивками. На окне с кисейной занавеской смотрели друг на друга два горшка с геранью, а перед окном был стол, покрытый суровой скатертью.

И было что-то трогательное в тишине, царившей в этом домике. И по целым дням тихой тенью бродила по комнатам молчаливая женщина с вечным флюсом, повязанная шерстяным платком – жена Федора Никифоровича. Было ей лет под сорок.

Домик этот принадлежал ей, как перешедший по наследству от родителей. Постоянной прислуги у Гаврюшиных не было, стряпала Настасья Николаевна сама, а для мелких услуг приходила на кухню хромая девка Паранька, лупоглазая и глуповатая.

По субботам или по праздникам приходили в маленький домик гости. Их было трое: управский экзекутор Стружкин, румяный старик с большим лысым черепом, местный дьячок Савва Богоявленский и помощник провизора из аптеки на главной улице – Борис Яковлевич Финштейн. Придя, усаживались в кабинете, у стены, на стульях, держа в руках стаканы с чаем. А Федор Никифорович выставлял на середину

маленький столик, ставил на него две свечи, стакан с водой и папиросы. Затем шел к заветному шкафику, вынимал дрожащими руками новую рукопись, садился за столик и говорил виноватым голосом, словно прося прощения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.